

Сян Мо не ушел сам — его умыкнули. Пока Хуай Янь бросился в погоню за Ма Таем, двое неизвестных в медицинских масках и белых халатах забрали пациента прямо из палаты.

Мысль о том, что кто-то с самого начала отслеживал их путь из больницы улицы Миинь в Подземный город, обжигала морозной жутью.

Лица на записях камер ничего не дали: Хуай Янь сделал скриншоты, обошел весь персонал, но никто этих «врачей» в глаза не видел. Выведя Сян Мо из лифта, похитители спустились в подземный паркинг и мгновенно растворились в слепой зоне видеонаблюдения.

Хуай Янь заставил охранников расширить радиус поиска и просматривать уличные камеры кадр за кадром в соседних кварталах. Не мог же живой человек провалиться сквозь землю.

Дыхание сбивалось, все вокруг выводило из себя. Смять бы этих тварей с камер, переломать им кости! Но вспышка ярости быстро захлебнулась в глухом бессилии: точно так же три года назад у Подземной реки бесследно исчезли четверо.

Выйдя из операционной, Лу Ечи только тогда узнал об исчезновении Сян Мо. Система безопасности Центральной больницы считалась безупречной, и поверить, что двое ряженных так дерзко и беспрепятственно вывели человека из VIP-палаты, казалось безумием.

— Мы даже не закончили обследование, — вздохнул Лу Ечи.

— В нем уже нет смысла, — Хуай Янь затянулся, и перед глазами поплыли сизые витки дыма.
— Меня больше волнует его состояние.

— Общее сканирование не выявило серьезных повреждений внутренних органов, но некоторые показатели головного мозга демонстрируют аномальное возбуждение. Больше всего я опасаясь побочных эффектов.

Лу Ечи добавил:

— В поисках я вряд ли помогу, но анализ лекарства завершу как можно скорее. Как только будут результаты, сразу сообщу.

Еще до рассвета Хуай Янь погнал машину на улицу Миинь. Дверь в дом Сян Мо была заперта, но ключа у него не имелось. Не раздумывая, он взобрался на третий этаж, выбил хлипкое окно и ввалился в гостиную.

Свет горел. Внутри царил тот же хаос, что и накануне: между диванными подушками и на полу

белели просыпанные таблетки и острые осколки фарфора.

Пусто.

Хуай Янь влетел в спальню, забрал нож и с силой застучал в дверь соседа, а потом выбил её.

Сосед, мертвецки пьяный, валялся на диване с бутылкой и пытался декламировать стихи. Увидев Хуай Яня, он вцепился в него, норовя вслух дочитать поэму.

— Где Сян Мо? Ты видел Сян Мо?! — Хуай Янь тряс пьяного за отвороты одежды.

Тот уставился на него мутным взглядом, пару секунд соображал, потом затряс головой:

— Не-а... Не видел...

Не выпуская рукава Хуай Яня, пьяница заплетающимся языком завел снова:

— «Свет небес вечен, тени на земле изменчивы... Жизнь, словно купол из цветного стекла, пятнает белое сияние Вечности, пока Смерть не разобьет его вдребезги...»

Поняв, что от алкаша толку не будет, Хуай Янь вырвался и выскочил прочь.

Он прошерстил все подворотни и переулки улицы Миинь. Дети в приюте Сян Мо не видели. Линь Цянькунь — тоже. Хуай Янь опросил каждого, кого смог найти, но никто ни о чем не знал.

Он стоял на шумном, обезумевшем перекрестке улицы Миинь. Со всех сторон неслись вопли, пьяный визг, звуки драки, глухие стоны и звон бьющегося стекла. В ушах непрерывно звенело, а внутри закипало что-то темное и дикое, готовое вот-вот разорвать его изнутри.

Хуай Янь заставил себя сделать глубокий вдох. Паника — верная смерть.

В конце концов он помчался к частному детективному агентству «Ватсон». Железная жалюзи-штора была наглухо опущена. Хуай Янь изо всех сил сжал кулак и заколотил по металлу — ответом ему было только гулкое эхо.

Найдя в подворотне ржавый лом, он поддел край шторы, с грохотом рванул ее вверх и заглянул внутрь. Чернота. Никого.

Обходить больше было некого. Оперевшись руками о колено, Хуай Янь тяжело опустился на каменную ступень у входа. Пальцы все еще судорожно сжимали кусок железа, кисть мелкой

дрождью билась в нервном спазме.

На него накатил липкий ужас. Человек, пропавший три года назад, снова оказался рядом. Сян Мо сам, своими губами признал, что считает себя Чжу Чэньюанем. Хуай Янь уже поверил, что всё вернется на круги своя... И именно в этот миг обретенное счастье снова выскользнуло из рук.

Скоро трущобы улицы Миинь забудут о Сян Мо. Разве что в первые дни кто-то еще вспомнит пару слов — перекинется шуткой или обронит издевку о его наивной, нелепой борьбе за мир и справедливость. А потом о нем просто забудут.

Нет. Ни за что. Повторения трехлетнего ада он не вынесет. Даже если придется перерывать весь Подземный город до самого основания, он найдет его.

Вернувшись в машину, Хуай Янь накинул куртку. На нем оставалась светло-серая пижама, пропитанная запахом стирального порошка и липким холодным потом. Из открытого окна рванул ледяной сквозняк. Хуай Янь вздрогнул, закинул голову и посмотрел в беспросветную тьму над головой.

Часы показывали седьмой час утра. Но на улице Миинь не бывает рассветов. Здесь царит вечная ночь.

Подземная экспериментальная база улицы Миинь

Человек, пролежавший в коме больше двух недель, наконец очнулся.

— Сян Мо... Сян Мо, ты наконец-то проснулся.

Сян Мо слышал мужской голос, настойчиво звавший его по имени. Он изо всех сил попытался разлепить налитые свинцом, воспаленные веки, но перед глазами стояла сплошная пелена слепящего белого света. Взгляд ни за что не цеплялся. Постепенно в этом молочном мареве зашевелились смутные темные тени.

— Сян Мо, ты меня видишь? — чья-то ладонь помахала перед его лицом. Чьи-то пальцы раздвинули его веки, и в зрачок ударил узкий луч медицинского фонарика.

Сян Мо понял, что размытое темное пятно — это человек. Он несколько раз зажмурился и снова открыл глаза. Наконец резкость навелась.

Над ним склонился худощавый юноша с утонченными чертами лица. На нем был белый халат,

а на губах играла мягкая, исполненная нежности улыбка.

Увидев, что больной пришел в себя, юноша нагнулся и ласково коснулся губами его лба, после чего бережно обнял, шепча:

— Сян Мо, какое счастье... Ты проснулся. Я места себе не находил от страха!

Сян Мо остро захотелось оттолкнуть незнакомца — прикосновение отозвалось внутри липким неприятием. Но тела он не ощущал. Попытался поднять руку — кисть бессильно плетью упала на край койки, и он болезненно ударился жилой о металлический каркас. Сян Мо сдавленно шикнул от резкой прострелившей боли.

— Ты только очнулся, сил еще нет, не дергайся, — проговорил сидевший подле него юноша.

Губы Сян Мо дрогнули, и он с трудом выдавил сухой хрип:

— Кто... ты?

Юноша разжал объятия, выпрямился и уставился на него с глубоким, раненым недоумением:

— Ты что, не узнаешь меня? Я же Мэн Нин! Ты пролежал без сознания полмесяца, я чуть с ума не сошел от ужаса!

Мэн Нин? Кто такой Мэн Нин?

Голова Сян Мо была гулкой и пустой, словно чистый лист. Память молчала.

Он попытался вспомнить, но тупая, пульсирующая боль отозвалась в висках. Боль оказалась терпимой — мыслить она не мешала.

И тут же в эту пустоту хлынул сокрушительный поток воспоминаний. Он затопил сознание, сдавил грудь, перехватив дыхание. Сян Мо судорожно глотал воздух открытым ртом.

Перед глазами замелькали кадры тридцати с лишним лет жизни: его зовут Сян Мо, он вырос и всю жизнь провел на улице Миинь, живет в переулке 68, держит детективное агентство и в свободное время помогает сиротам из приюта.

И главное: у него есть любимый человек — врач Мэн Нин, с которым они вместе с самого детства.

Они всегда жили на улице Миинь.

Последнее, что запечатлелось в памяти, — как они с Линь Сыханем отправились в хост-клуб, чтобы разузнать хоть что-то о Чи Юняне.

А потом?

А потом он открыл глаза здесь, и над ним стоял Мэн Нин.

— Мэн Нин... Что со мной произошло?

— Ты сильно заболел, перенес небольшую операцию и только сейчас пришел в себя.

— Я ничего не помню.

— Ничего страшного, это неважно, — Мэн Нин смотрел на него с нескрываемой страстью и нежностью. — Главное, ты помнишь меня?

Сян Мо всматривался в его лицо. Образы Мэн Нина в голове были четкими и ясными. Конечно, он его помнил.

Их жизнь текла тихо и размеренно, они любили друг друга. Но произнести эти слова вслух Сян Мо почему-то не смог и отвел взгляд.

Мэн Нин, казалось, не придавал этому значения:

— Болезнь оказалась тяжелой, тебе нужен абсолютный покой. Как только выпишешься, переедешь ко мне.

Хотя они считались парой, вместе они не жили. У Мэн Нина была своя работа и куча дел. Обычно Сян Мо сам приходил к нему — иногда на пару часов, иногда оставался на недвусмысленные две недели. В последние годы Мэн Нин постоянно был занят, виделись они нечасто, но их отношения оставались по-прежнему крепкими.

Сян Мо сменил тему:

— А что с Сяо Янем и Сяо Синем?

Мэн Нин достал из кармана конверт:

— Сяо Янь прислал письмо. Пишет, что познакомился в Подземном городе с влиятельным человеком, и тот забрал его брата на лечение. В Подземном городе медицина куда лучше нашей.

Почерк и слог на бумаге действительно принадлежали Чи Юняню — Сян Мо узнал их с первых строк.

Как только он дочитал, в висках снова застучала едкая боль. Листок выскользнул из ослабевших пальцев. Мэн Нин подхватил письмо, аккуратно сложил его и бережно поправил Сян Мо одеяло:

— Не забивай себе голову. Тебе сейчас нужно восстанавливать силы.

Сян Мо прикрыл глаза. Думать не хотелось, но в груди зияла черная, ледяная пустота, которую ничем не удавалось заполнить.

Он резко распахнул глаза и снова уставился на бледное, непримечательное лицо Мэн Нина. Неизвестно почему, но внутри колыхнулось глухое разочарование.

— Мэн Нин... Я ведь забыл что-то очень важное, правда?

— Ты ничего не забыл, — Мэн Нин ласково улыбнулся.

В палату вошла медсестра, катя перед собой медицинскую тележку. Мэн Нин кивнул ей. Женщина подняла шприц, выбивая пузырьки воздуха.

— Что это? — Сян Мо проследил за ее движениями.

— Лекарство, которое тебя вылечит, — ответил Мэн Нин. — Ты еще слаб. Вот поправишься — и сразу вернемся домой.

Домой? Куда домой?

Его дом — в переулке 68.

Сян Мо попытался дернуться, но сил сопротивляться не было. Игла шприца вошла в вену, и ледяная волна седативного препарата устремилась по сосудам. Сознание мгновенно угасло.

Сян Мо снова погрузился в бессознательное небытие. Мэн Нин опустился на колени у койки и с болезненным обожанием уставился на спящего. Его подушечки пальцев медленно скользили по щеке и подбородку Сян Мо.

«Что для тебя действительно важно? Из-за того человека ты едва не лишился жизни...»

«Мы ведь вместе росли! Почему же ты никогда не смотрел на меня?!»

«Зато теперь в твоих воспоминаниях только я. Никакого Хуай Яня».

Лицо Мэн Нина перекосила судорожная гримаса, уголок рта нервно задергался. Он резко поднялся и тихо, сквозь зубы, пробормотал самому себе:

— Если он все еще чувствует, будто потерял что-то ценное... значит, операция прошла не идеально. Придется повторить. Ничего, Сян Мо... За эти три года я шагнул далеко вперед. Когда ты вспоминаешь меня, твои чувства должны быть страстными и пылкими! Сейчас поспи. А когда проснешься... в твоей жизни останусь только я. Только Мэн Нин.

<http://bllate.org/book/20433/2134574>